

О ФУНКЦИЯХ РЕЛИГИОЗНОЙ ЛЕКСИКИ И БИБЛЕИЗМОВ В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННЫХ ПЕЧАТНЫХ СМИ

*Работа представлена кафедрой общего и славянского языкознания
Пермского государственного университета.*

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор В. А. Мишланов

В статье рассматривается проблема функционирования библейской лексики в текстах современных печатных СМИ. Типология библейских (и шире – общерелигиозных) языковых единиц соотносится с категориями эмотивности и художественной выразительности; выясняется также прагматическая – суггестивная – функция «концентрированных» библеизмов в тексте.

The article is devoted to the problem of functioning of scriptural lexical elements in texts of the modern published mass-media. Biblical (or all-religious) linguistic units are correlated with categories of emotionality and artistic expressiveness. The author of the article also clears up the pragmatic – suggestive function of biblical expressions' concentration in text.

Несмотря на то что в последние десятилетия интерес к библейской проблематике в целом и к изучению лексики и фразеологии Священного Писания в частности не

ослабевают, исследователи чаще всего останавливаются на «вершине айсберга», на наиболее оформленных, отвечающих общепринятым критериям «фразеологизмов»

или «крылатых выражений», элементах. Кроме того, наиболее распространены исследования единиц, напрямую восходящих к тексту Священного Писания и вошедших в паремиологический фонд русского языка, а «единицы вторичного образования и единицы, образованные на основе новозаветных образов и сюжетов»¹ рассматриваются, во-первых, реже, во-вторых, как можно судить по приведенной цитате, не имеют общепринятого терминологического обозначения. Для них обычно предлагаются термины: аллюзии, реминисценции, метафорические библеизмы, сюжетные, или нарративные, библеизмы. Однако последние номинации говорят скорее о функционировании этих единиц в текстах, нежели об их «этимологии». «Первичные» библейские выражения также могут употребляться, скажем, в метафорической функции (чаще в современных текстах именно художественные, лингвопоэтические потенции этих единиц и реализуются), следовательно, «единицы, образованные на основе библейских сюжетов» или метафорические библеизмы оказываются неотличимы от библейских фразеологизмов первичного образования.

Даже при широком изучении библеизмов как «имен, устойчивых выражений и цитат, связанных с образами и притчами Библии»², не исчерпывается весь фонд разноуровневых единиц, так или иначе связанных с библейской (и шире – церковной) культурой и прочно вошедших в фонд русского языка. Во-первых, это касается лексических элементов общеславянских или даже восточнославянских по происхождению, приобретших новое концептуальное содержание посредством Библии и обладающих маркированными стилистическими и прагматическими характеристиками (семантических библеизмов); во-вторых, специального рассмотрения заслуживают не только собственно библеизмы, но и единицы, восходящие к другим богослужебным или богословским и иным церковным текстам. Изучение лексем и выражений, вос-

ходящих к текстам Священного Писания, позволит выявить национально-специфические черты русской библейской концептосферы, рассмотреть роль библейской духовной культуры в современном российском обществе.

Наша статья не претендует на рассмотрение сложнейшей проблемы роли церковнославянского языка и книжности в происхождении русского литературного языка, и церковнославянизмы, ставшие неотъемлемым элементом русского языка, не предмет нашего исследования. Нас будут интересовать библеизмы (языковые выражения, восходящие к церковным текстам – Священному Писанию и Священному Преданию): 1) используемые для создания какого-либо стилистического эффекта или для оформления текстового пространства, 2) несущие особую прагматическую нагрузку.

Для выявления функций библеизмов в тексте необходимо разграничивать психологические, психолингвистические и собственно лингвистические понятия эмоциональности, эмотивности, экспрессивности и художественной выразительности, что позволит оценить стилистические потенции библеизмов как с интенциональной, так и с перцептивной точек зрения. Хотя большинство ученых не разводят понятия эмоциональности и эмотивности, В. И. Шаховский допускает их разграничение как психологического и психолингвистического понятий, считая, что «эмотивность – лингвистическое выражение эмоций»³, имеющее языковое выражение (ср. у С. Н. Ершовой: «Эмоциональность пронизывает всю речевую деятельность человека и закрепляется в семантике слов в качестве определителей его различных эмоциональных состояний. Именно поэтому при исследовании языка текста помимо логико-предметной семантики ... важно учитывать и эмотивную»⁴).

Мы пытаемся различать эти категории в связи с учетом а) авторской интенции (эмотивность всегда осознана и выражена

разноуровневыми средствами, что подтверждается мнением Е. М. Галкиной-Федорук⁵ о том, что к средствам эмотивности относятся и номинации эмоций, тогда как, предположим, для создания эффекта эмоциональности не обязательно использовать специфические средства, в том числе «имена-эмоции»; ср. также мнение, что эмотивность коннотативна и является частью лексического значения слова).

В то же время признаем, что при широком толковании эмотивности – всех средств и способов выражения эмоций человека – понятие эмоциональности будет включено в нее. Если под эмотивностью понимать организованное специальными средствами выражение эмоций, то это понятие сближается с экспрессивностью, которое, однако, может «пронизывать как эмоциональное, так и интеллектуальное в их проявлении»⁶. Причем экспрессивность, в отличие от эмотивности и эмоциональности, жестче связана с рациональным намерением что-либо выразить (не обязательно эмоции) и реализуется прежде всего при правильном «вычитывании» из текста, т. е. ориентирована на адреса-

та. Категория «выразительность» связана с экспрессивностью (даже «этимологически»), но полагаем, что следует различать три категории: «экспрессивность-1», «экспрессивность-2» и «художественная выразительность». Экспрессивностью-1 можно назвать эмоциональную насыщенность произведения, «тон», зависящий от сознательного и бессознательного намерения и состояния автора. Экспрессивность-1 сближается с эмотивностью. Экспрессивностью-2 назовем художественную насыщенность текста (здесь о выражении истинного состояния автора уже нельзя говорить), это сугубо лингвистическая, «формальная» категория, характеризующаяся наличием/отсутствием специальных «маркированных», «экспрессивных» языковых средств в тексте. Художественная же выразительность пересекается с экспрессивностью-2 и является стилистической категорией, не зависящей от наличия/отсутствия лексических средств со специфически «экспрессивной» семантикой. Художественная выразительность – это перцептивная категория, характеризующая эстетическое качество текста (табл. 1).

Таблица 1

Разграничение понятий эмоциональность, эмотивность, экспрессивность, художественная выразительность

	Понятие	Авторская интенция (психолингвистическая и текстовая категория)	Выражение «реальных» эмоций (психологическая категория)	Специальные языковые средства
Чувства	Эмоциональность	–	+	–/+
	Эмотивность	+	–/+	+
	Экспрессивность 1	+	–/+	–/+
Рацио/чувства	Экспрессивность 2	–/+	+	+
	Выразительность (художественная)	+	–	–/+

Материалом исследования послужили публикации центральных газет «Известия», «Московский комсомолец», «Комсомольская правда» за 2007 г., из которых методом сплошной выборки было извлечено 157

контекстов, содержащих единицы, восходящие к текстам Священного Писания.

Следует оговориться, что толкования библеизмов будут нас интересовать только в случае трансформации или метафори-

ческого употребления их, так как проблема происхождения библейских выражений и толкования их современного значения широко представлена в лексикографии.

Рассмотренный материал позволяет выделить (по разным критериям) следующие типы библеизмов: 1) междометия и модальные слова (например, превратившиеся, по сути, в междометия вокативы *Боже, Господи*); 2) лексемы общерелигиозной семантики (ставшие именами культурных концептов); 3) паремиология с использованием религиозной лексики; 4) библейские аллюзии, реминисценции и нарративы; 5) библейские фразеологизмы.

Рассмотрим (более или менее подробно) особенности функционирования названных типов в современных СМИ.

1. *Междометия, модальные слова.* В центральных СМИ вместе с тенденцией к сближению с разговорной речью наблюдается экспансия эмоционально нагруженных упоминаний «имени Господа всеу». Свойственная разговорной речи размытая, синкретичная семантика этих восклицаний (эмотивная функция «перетягивает» на себя номинативную, потому окраска этих междометных или модальных единиц определяется исключительно контекстом) в рассмотренных нами текстах печатных СМИ существенно ограничена и служит для сознательного выражения авторского замысла. В этом случае важно различать эмотивную и экспрессивную функции единиц: опираясь на исследованный материал, мы можем говорить лишь об эмотивной функции, которая состоит в том, что исследуемая единица служит для выражения однозначной авторской позиции (чаще всего иронии), которая всегда связана с оценочностью. Об эмоциональности интересующих нас элементов говорить сложно, так как перед нами знак, рассчитанный на рациональное распознавание иронии, например: 1) «и понеслась (прости, Господи) езда по кочкам» [МК, № 73], 2) «Держишь ты нос по курсу политических ветров или нет, придет, не приведи Господи, политическая

буря, унесет тебя, не спросит» [Известия, № 61], 3) «Для России важно, чтобы дело не дошло до раскола Украины или, не приведи Господи, силового противостояния» [Известия, № 58]. В приведенных примерах наблюдаем модальные элементы в переносном употреблении, можно даже сказать в дважды переносном: от оптативного молитвенного употребления к субъективно-модальному (модусному) и далее к ироническому. В первом примере «езда по кочкам» всего лишь эфемистическое обозначение способов проведения досуга деятелями российского шоу-бизнеса, а «прости, Господи» служит оценочным элементом и выражает иронию автора статьи, что в целом поддержано другими текстовыми компонентами (языковой игрой–каламбуром в названии статьи: «Столица России – Комсомольск-на-Гламуре», использованием контрастных просторечных и «высоких» архаичных лексем, а также неологизмов).

2. *Имена культурных концептов. Лексемы общерелигиозной семантики.* Другой тип использования отсылок к Библии (или самого имени Библия, Священное Писание) основан на устойчивом концептуальном поле русской культуры; ср.: 1) «Различие между желающими и нежелающими трогать текст Основного закона вряд ли можно объяснить исключительно тем, что последние чтут и букву, и дух Конституции, как Св. Писание» [Известия, № 61], 2) «Книга “48 законов власти” стала библией для тех, кто хочет добиться успеха» [МК, № 74].

Говорить, что в примерах используются фразеологизмы, сложно, так как постоянства состава и формы не наблюдаем, но присутствует устойчивость концептуального содержания: лексема *Библия* (считаем и перифраз этого имени – Священное Писание – одной концептуальной единицей), использованная в фигуре сравнения, означает книгу, содержащую истины, полезные и непреложные в любой ситуации, всю информацию, необходимую человеку. Отметим, кроме того, курьезное, если не сказать богохульное, словоупотребление в назва-

нии книги П. Джоанидис «Библия секса» (М.: Эксмо-Пресс, 2001), ср. также «Библия пользователя Photoshop CS2» Д. Мак-Клелланда и Л. Ульриха (М.: Диалектика, 2007), «Библия бармена. Все спиртные напитки, вина и коктейли» Ф. Евсевского (М.: Евробукс, 2004).

В первом из приведенных примеров содержание концепта *Священное Писание* представлено в плеонастической форме: перед нами разрушенный фразеологизм «читать дух, а не букву Закона», восходящий к Посланию к римлянам: «Но ныне, умерши для закона, которым были связаны, мы освободились от него, чтобы нам служить Богу в обновлении духа, а не по ветхой букве»⁷. Другие производные отсюда – «по букве закона», «ветхая буква», «мертвая буква». Если учесть, что «здесь под ветхою буквою ... Апостол разумеет обветшавший закон Моисеев, названный у него буквою потому, что он обращал внимание, главным образом, на внешнее состояние человека и оставался со своими предписаниями чем-то внешним, чуждым для человека»⁸, то «буква Закона» – это и есть Священное Писание в буквальном прочтении, а Дух – новое его прочтение и воплощение (в Священном Писании и Предании), значит, автор сравнивает «дух и букву Закона» (имплицитно – Священное Писание) с... Священным Писанием.

Таким образом, сама лексема *Библия*, даже не зафиксированная в составе фразеологизмов, образует особого рода фразеологизм в сравнительном обороте или обороте «Библия/Св. Писание + род. п. сущ., обозначающего сферу применения» («Библия рекламы»), имеющий прозрачную концептуальную основу, уже лишенную – не в ущерб распространенности – сакральных коннотаций.

Кроме того, к выражениям, не восходящим напрямую к тексту Священного Писания (или восходящим к номинациям с самым широким употреблением в церковных текстах), можем отнести метафорические употребления лексем общерелигиозной

семантики: 1) «Но странно: никто из русских пленников не жаждал, чтобы земляки спасли их из ада» [МК, № 72], 2) «Камчадалы пребывали едва ли не в апокалиптических настроениях» [Известия, № 61], 3) «Среди Богом избранного народа тоже оказываются избранные дьяволом» [МК, № 76]. Для нас не является необходимым выяснение источника фразеологизма (пример 2), парафраза (пример 3) и библейского образа в переносном употреблении (пример 1) из-за их широкой представленности в церковной литературе.

Наконец, последняя группа лексем с общерелигиозным содержанием, используемых в текстах рассмотренных нами газет, – это характерные для разговорной речи экспрессивные фраземы с аннигилированным «сакральным» содержанием: 1) «Многие семьёй годами молят Бога послать им ребеночка» [Известия, № 60], 2) «Но нашелся человек, который правильно среагировал на мощную рекламную кампанию, и грех этим не воспользоваться» [Известия, № 60], где «грех не...» – модальное слово со «снятым» номинативным содержанием в пользу модального, 3) «Александр Бесчастнов был летчиком от Бога» [МК, № 72], где морфологическая отнесенность «от Бога» тоже вторичная – атрибутивная.

3. *Паремиология с использованием религиозной лексики.* Этот раздел относится к проблематике исследования лишь условно, так как собственно библейских выражений не содержит, но дает представление о лингвокультурологическом и стилистическом потенциале языковых единиц, так или иначе связанных с церковно-религиозной культурой.

Паремиология, в отличие от библейской фразеологии, почти не подвергается семантическим и формальным трансформациям, поговорки легко опознаются и употребляются исключительно для увеличения выразительности текста. Максимумом этой функции «религиозных паремий» («Хорошо яичко к Христову дню, говорит народная поговорка. В минувшую Пасху ее на-

верно повторяла вся Польша» [МК, № 70], «Друга под монастырь можете подвести?» [МК, № 70]) являются неноминативные, избыточные с точки зрения информативности (но не с точки зрения текстовой оформленности) случаи их использования: «Чаще по душам нашим грешным» [МК, № 70], «Может, Бог и любит троицу, но сегодня с уверенностью можно констатировать, что в России благополучно провалена уже третья попытка провести земельную реформу» [МК, № 72]. Кроме того, следует отметить отсутствие сакральных коннотаций паремий.

4. *Библейские аллюзии, реминисценции и нарративы.* Анализ текстов, содержащих библейские аллюзии, связан скорее с экстралингвистическим вопросом – о статусе и роли религиозных текстов в современном масс-медийном пространстве. Библеизмы и их прагматические характеристики связаны «прямо пропорционально»: чем выше процент семантических библеизмов и церковнославянизмов с «высокой», поэтической или сакральной коннотациями, тем неоспоримей автор материала признает авторитетность и «богодуховенность» Священного Писания и тем менее возможна лингвопрагматическая ситуация «пересказа» и объяснения библейского сюжета профанным языком, понятным невоцерковленному человеку (см. гр. 1) «Своим Воскресением Господь открыл нам врата вечной жизни, но войдем ли мы в них? Станем ли наследниками царства, уготованного нам “от создания мира” (Мт. 2, 31)?» [Известия, № 61].

Прямая пропорциональность устанавливается между количеством библеизмов и субъективной модальностью текста и в случае приближения языка к разговорному и даже просторечному, но знак оценки меняется на противоположный, так как насыщение текста библеизмами свидетельствует здесь отнюдь не о благоговении, а о «скоморошьем» отношении к Библии. Ср.: 2) «Вся эта история подозрительно напоминает переход евреев под предводительством

Моисея через Чермное (Красное) море. Воды сначала “отверзлись”, народ перебрался на другую сторону, а потом “сверзлись” над головами преследующих египтян» [Известия, № 58]; 3) «В эти праздничные дни, по легенде, Бог на радостях, что у него родился Сын, отомкнул все двери и выпустил чертей погулять. И вот бесы, соскучившись в аду, придумали на погибель человеческого рода множество развлечений» [КП, от 9.01.07 г.].

Подробнее рассмотрим группу 1 текстов с библейскими аллюзиями, реминисценциями и нарративами на примере *интервью и обращений иерархов Русской православной церкви.*

Эти тексты характеризуются:

а) специфическим набором языковых средств, не свойственных даже современному литературному языку; выделяются:

- лексические библеизмы: «Начиная путь, *осеняю* себя *крестным знаменем*, испрашиваю у Господа благословение на дорогу», «Познав зло, человек оказался не в силах противостоять ему без помощи Божией, которую он добровольно *отринул*», «Имею пасхальные приветствия всем православным христианам, *сущим* «от конца даже до конца вселенныя»» [МК, № 75];

- семантические библеизмы (полисемичные лексемы, имеющие чрезвычайно далеко отстоящие значения, «литературные» и «религиозные», приближающиеся к омонимичным или энантиосемичным): «Однако, и об этом говорили святые, есть опасное состояние духовной *прелести*, при котором человек высоко думает о себе, считает себя достойным лицезреть Божественные тайны», «Если мы всем существом *взыщем* Его, то Он не оставит нас без Своего водительства» [Известия, № 56];

- словообразовательные библеизмы и (шире) церковнославянизмы, чуждые современному русскому литературному языку: «Апостол Павел призывал христиан к непрестанной молитве (1 Фс. 5, 17), подразумевая не только непосредственное обращение к Богу, но и *всегдашнее памятова-*

ние о Нем» [Известия, № 56], «Благо тем, кто ради обретения этой свободы *неленостно* трудится над своим спасением, сохраняя верность Христу среди всех невзгод и печалей века сего» [МК, № 75];

- синтаксические церковнославянизмы, в том числе использование устаревших союзов и формы опатива с «да»: «Видимо, это Господь покрывает мою немощь, *дабы* не было препятствий в деле Божиим», «Он [патриарх], вместе со Священным Синодом, *имеет попечение* обо всей поместной церкви», «Радость, мир, благодатную помощь Свою в добрых делах *да дарует* всем вам, дорогие мои, Восставший из гроба Спаситель мира» [МК, № 75].

Следует оговориться, что к библеизмам различных типов мы относим все те языковые средства, которые осознаются как маркированные и несвойственные современному языку, поэтому многие синтаксические церковнославянские конструкции (а особенно свойственные письменной речи) мы не стали включать в обзор, так как для носителей современного языка они полностью «русские», немаркированные и не несут специальной стилистической нагрузки. То же касается фонетических и морфологических церковнославянизмов по причине их абсолютной «инсталлированности» в современный язык;

- б) наличием религиозной и церковно-административной терминологии: «Стараясь поддержать *паству*, исполнить традиционное для *предстоятеля* церкви миротворческое служение» [Известия, № 56], «Мы будем прощаться с Ним в *чине погребения*» [Известия, № 60];

- в) цитированием священных текстов со ссылками, выводящим интервью из ситуации непосредственного живого общения: «Сотворив человека, Господь заповедал не есть плодов от древа познания добра и зла, сказав: “Ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь” (Быт. 2, 17)» [Известия, № 57], «Конечно, во всей полноте мир явится в кон-

це времен, когда будет “новое небо и новая земля” (Откр. 21, 11)» [Известия, № 60];

- г) специфическим влиянием текстов служителей церкви на светских собеседников, что демонстрируют интервью Патриарха Московского и всея Руси Алексия II – развитие диалога идет в сторону увеличения, все большей концентрации числа библеизмов и церковнославянизмов, обладающих стилистической маркированностью, в речи интервьюеров; ср. сначала: «Вам не надо себя пересиливать, превозмогать, отправляясь в путь?» и далее по тексту: «Человеку верующему, думается, легче принять житейские скорби, болезни, напасти. Будучи королем или нищим, он покорен воле Божией, уповает на милость Господа» [Известия, № 56].

В связи с этим можно предположить существование прагматического «кода» религиозного текста, который перестраивает и окружающий контекст – и тематически (с патриархом о делах насущных, житейских не говорят), и лингвистически (просторечие, разговорные компоненты, а также варваризмы недопустимы). Естественен вывод, что специальные компоненты, входящие в этот «код», благодаря ему функционируют и сохраняются в языке, оставаясь понятными современному читателю.

5. *Библейские фразеологизмы.* Заметим, что послания и интервью иерархов демонстрируют нетрансформированное, наиболее близкое к первоисточнику использование библейских фразеологизмов. Первую группу таких фразеологических сочетаний (термин В. В. Виноградова⁹) составляют сближающиеся с терминами единицы типа «Subst + Божий»: *царство Божие, глубины Божию, храм Божий, образ Божий* (подробнее см. в нашей статье¹⁰).

Вторую группу составляют собственно библейские фразеологические единства и сращения: «А говорить приходится, естественно, с “*сильными мира сего*”. Бремя власти – особенно в нашей огромной стране, – оно не из легких. Не все *власть имущие* выдерживают громадное напряжение» [Изве-

стия, № 56]. Фразеологизм «власть имущие», восходящий к ветхозаветным библейским текстам¹¹, коррелирует с другим распространённым и используемым в контекстах, характеризующих власть, сочетанием: «власть предержажая» («власти предержажие», «власть предержажие»); ср.: «Несмотря на формальное отделение государства от церкви, ее руководство ведет планомерное наступление на атеистическое мировоззрение, пользуясь очевидной поддержкой властей предержажих» [Известия, № 57].

В текстах печатных СМИ библейские фразеологизмы встречаются в виде:

а) фразеологических единств (не претерпевающих ни семантических, ни формальных трансформаций): «Политикам лучше не обострять углы и рвать о них свои белые одежды, а сесть за “круглый стол” переговоров» [МК, № 76], «Два дня новогоднего отдыха стали просто манной небесной» [КП от 9.01.07 г.], «Но эта история быстро закончилась, и все вернулось на круги своя» [Известия, № 60];

б) фразеологизмов с трансформированной семантикой: «Впрочем, у областного транспортного министра Петра Кацыва вопросы о новых видах передвижения по Подмосковию вызывают лишь зубовой скрежет» [МК, № 72] – вообще фразеологизм «зубовой скрежет» («плач и скрежет зубовой») означает муки (грешников после Второго Пришествия)¹²;

в) фразеологизмов с трансформированной формой и соответственно семантикой: «Деньги коммунальщики уже зарыли в землю – говорят, ремонтировали сети» [Известия, № 59] – здесь фразеологизм «зарыть свой талант в землю», во-первых, трансформирован исходя из первоначальной (притчевой) семантики (талант = деньги), во-вторых, использован для языковой игры, когда элементы сращения могут быть истолкованы буквально (деньги «зарыли» при ремонте сети); «Приставать с расспросами дальше было неудобно – люди действительно падают в пота лица» [МК, № 73] – исходная форма («в поте лица трудиться/

работать») уже различается от библейской («в поте лица твоего будешь есть хлеб»¹³), а в данном контексте нейтральная лексема «работать» заменена на просторечный вариант «пахать» (тяжело, утомительно работать).

По нашим наблюдениям, трансформированные в плане выражения и/или содержания фразеологизмы встречаются чаще других.

Итак, в текстах современных СМИ языковые выражения, так или иначе связанные с Библией и другими церковно-религиозными текстами, выполняют две основные функции – эмотивную и художественно-выразительную. В первом случае библеизмы и церковнославянизмы выражают по преимуществу авторские эмоции, во втором использование этих средств направлено на создание какого-либо стилистического эффекта и рациональную эстетическую организацию текстового пространства.

В большей степени эмотивную функцию выполняют в текстах печатных СМИ библеизмы: а) модальные и междометные, б) имена культурных концептов, в) общерелигиозные номинации (с преобладанием номинативной функции). Художественно-выразительную функцию, естественно, выполняют все типы библеизмов, но преобладают они в библейской паремиологии и фразеологии.

В целом тексты современных печатных СМИ показывают крайнюю секуляризацию библейских имен и выражений, переход их из разряда языковых средств с «высокой» окраской к функциональным текстовым единицам, лишенным как сакральных коннотаций, так и признаков «высокого стиля»¹⁴. С другой стороны, газетные тексты с обилием библейских единиц (тексты посланий и интервью иерархов) демонстрируют противоположный процесс: суггестивную «кодую» функцию (о понятии суггестивной функции языка см. у Л. Н. Мурзина¹⁵), перестраивающую речевые манеры собеседников в соответствии с суггестивно-насыщенным библиоцентричным контекстом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Прокофьева Е. П.* Русские фразеологические единицы новозаветного происхождения (в зеркале итальянских новозаветных фразеологизмов): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2006. С. 6.

² От Аза до Ижицы: Словарь-справочник / Авт.-сост. Л. А. Глинкина. Оренбург: Оренбургское книжное изд-во, 2000. С. 12.

³ *Шаховский В. И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. С. 45.

⁴ *Ершова С. Н.* Категория эмотивности в жанре дневник (эмотивность на лексическом уровне в «Грасском дневнике» Г. Н. Кузнецовой) // II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность (Казань, 11–13 декабря 2003 г.): Труды и материалы: В 2 т. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. Т. 1. С. 139–142.

⁵ *Галкина-Федорук Е. И.* Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сб. статей по языкознанию. М., 1958. С. 102–124.

⁶ Там же. С. 107.

⁷ Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское библейское общество, 1993. Рим: 7, 6.

⁸ Толковая Библия. Комментарий на все книги Святого Писания / Под ред. А. П. Лопухина. М.: Изд-во Московского Патриархата, 2001. С. 576.

⁹ *Виноградов В. В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 142–161.

¹⁰ *Худякова Е. С.* Еще к определению понятия «семантический библеизм» // Проблемы филологии и преподавания филологических дисциплин: Материалы отчетн. конф. препод., аспирантов, молод. уч. и студентов. Май 2006 г. / Перм. гос. ун-т. – В печати.

¹¹ Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское библейское общество, 1993. Ездра: 4, 49.

¹² Там же. Матф: 8, 12.

¹³ Там же. Быт: 3, 19.

¹⁴ *Копорская Е. С.* Семантическая история славянизмов в русском литературном языке нового времени. М.: Наука, 1988. С. 12.

¹⁵ *Мурзин Л. Н.* О суггестивно-магической функции языка // Фатическое поле языка (памяти профессора Л.Н.Мурзина): Межвуз. сб. научн. трудов. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. С. 108–114.